

ГЛАВА 10

«Опять...»

Лу Циньянь поморщился. Вчерашний звонок Лао Вана едва не довел его до инфаркта, и вот история повторилась.

— Лу Циньянь, подъем, ленивая ты скотина! Живо завтракать!

Не успел он даже выдохнуть приветствие, как в ухо ворвался громоподобный рев менеджера. Он невольно сморщил нос и отвел телефон подальше от головы.

Он подумал: если кто-то страдает от тяжелого пробуждения, ему достаточно пары таких воплей. После них любая сонливость испарится без следа, а бодрость духа сохранится до самого вечера.

— Понял я, понял... уже встаю. Ты что, уже в ресторане? — Лу Циньянь взглянул на экран. По сравнению со вчерашним днем время было еще довольно ранним, что и вызвало его любопытство.

— Да какое там! Я еще в постели, нежусь под одеялом. Тут так тепло, что вылезать — преступление, — Лао Ван сладко зевнул. Его голос становился все тише и ленивее.

У Циньяня возникло стойкое ощущение, что собеседник провалится в глубокий сон в следующую же секунду.

— Ладно... отдыхай.

Криво усмехнувшись, Лу Циньянь не стал продолжать этот бессмысленный диалог и первым повесил трубку.

Сон после такой встряски не шел. Пришлось выбираться из-под одеяла.

В лифте, в коридорах и по пути в лобби Вэнь Цзюэ ему не встретился. Впрочем, Циньянь не слишком-то и переживал: дорогу к ресторану он уже выучил, а потому, наспех перекусив в компании наконец-то вставшего Лао Вана, сразу отправился на съемочную площадку.

В машине Лу Циньянь не отрывался от сценария. Даже давняя привычка убивать время в простеньких мобильных играх куда-то исчезла — за всю дорогу он ни разу не прикоснулся к телефону.

«Надо же, как парня переклинило... Изменился до неузнаваемости», — подумал Лао Ван и, не удержавшись, хлопнул подопечного по плечу.

Циньянь вздрогнул, вскинул голову и уставился на менеджера с явным недоумением.

— Лао Ван... ты чего? — выдавил он спустя несколько секунд тишины.

Тот замялся, явно собираясь сказать что-то важное, но в итоге лишь выдохнул:

— Да так. Просто... старайся. Удачи тебе.

Лу Циньянь молча кивнул. Вид у него при этом был на редкость покладистый.

«Стараться?»

Это само собой. Если ему суждено остаться в этом мире навсегда, придется во что бы то ни стало избавиться от клейма бездарного популярного молодого актёра. Он должен стать кем-то большим, чем просто красивой картинкой.

Лао Ван убрал руку, давая юноше возможность вернуться к изучению текста. Циньянь благодарно улыбнулся и снова опустил взгляд в тетрадь. Сценарий, к слову, оказался по-настоящему захватывающим — именно интересный сюжет заставлял его вчитываться в каждую строчку.

Утром Вэнь Цзюэ на площадке не было, так что Циньяню предстояло сниматься без своего главного партнера.

Обычно они, как исполнители главных ролей, присутствовали почти в каждой сцене вместе, но сегодня Вэнь Цзюэ взял отгул на полдня, и график заполнили эпизодами с актерами второго плана.

Лу Циньяня это ничуть не смутило. Напротив, он был только рад поближе познакомиться с остальной группой. Без давящей ауры Вэнь Цзюэ он чувствовал себя на редкость непринужденно. Весь мир вокруг казался светлее, а дыхание — свободнее.

Лао Ван сразу заметил перемену. Вчерашняя гнетущая атмосфера исчезла; сегодня Лу Циньянь работал легко и расслабленно.

— Вэнь Цзюэ сегодня на съемках для журнала, потом у него интервью, так что его не будет, — вставил менеджер, опасаясь, что Циньянь, не бравший в руки телефон, не в курсе перестановок.

Тот даже головы не поднял, лишь коротко отозвался:

— Угу, понятно.

Лао Ван, до этого стоявший рядом, тут же примостился на низкую скамейку и вцепился в руку подопечного:

— Слушай, Сяо Янь-цзы, а что у вас с ним вообще происходит?

— Ничего не происходит, — голос Циньяня остался ровным.

Лао Ван опешил.

— Вот как...

— Кстати, Лао Ван, — в голове у Циньяня вдруг прояснилось, и он решил выяснить вопрос, который мучил его с самого пробуждения в этом теле. — Ты не помнишь, какого числа у меня день рождения?

— Да как я могу не помнить?! — менеджер приосанился, готовый блеснуть знаниями. — Одиннадцатого... одиннадцатого... э-э... — Он запнулся, гонор мгновенно испарился. Покосившись на Циньяня, он откашлялся и принял серьезный вид. — Ты что, свой собственный день рождения забыл?

— Да. Забыл, — невозмутимо подтвердил тот.

Лао Ван ждал оправданий или путаных объяснений, но Лу Циньянь ограничился этой лаконичной фразой.

— Погоди, сейчас гляну. Ну ты даешь... Как ты его праздновал-то каждый год? — ворча под нос, Лао Ван вытащил смартфон и быстро открыл «Байкэ». — Так... Лу Циньянь, мужской пол, дата рождения — двадцать девятое декабря!

Циньянь к этому моменту уже приготовил свой заблокированный гаджет. Стоило менеджеру озвучить дату, как он быстро ввел цифры.

Щелчок — и экран ожил. Наконец-то телефон перестал быть бесполезным куском пластика. Запомнив комбинацию, Циньянь облегченно выдохнул.

Раньше он уже пытался вводить свою настоящую дату рождения, но она приходилась на тридцатое декабря. Разница всего в один день отделяла его от доступа к информации.

— Поражаюсь я тебе. Собственную днюху из головы выбросить... Есть хоть что-то, что ты помнишь? — Лао Ван затаил обиду за то, что сам едва не опростоволосился, и решил сменить тему.

Циньянь не стал спорить. Он лишь поблагодарил менеджера и, заблокировав экран, убрал телефон в карман.

— Спасибо, Лао Ван. Я продолжу читать, а ты иди, не отвлекайся.

Менеджер еще какое-то время озадаченно смотрел на него. К этим переменам в характере друга еще только предстояло привыкнуть; сейчас Лу Циньянь казался ему представителем какого-то иного, загадочного вида.

— Сяо Лу, подойди к учителю Чжану, пройдитесь по сцене, поищите нужные эмоции! — раздался неподалеку голос режиссёра Фаня.

— Иду! — Циньянь тут же вскочил и, прихватив сценарий, поспешил на зов.

Раз уж сам режиссер называл актера «учителем», значит, предстояло работать с настоящим мастером. Лу Циньянь прибавил шагу, не желая заставлять уважаемого человека ждать.

Чжан Янь стоял напротив него с подчеркнuto надменным видом. Весь его облик так и лучился пренебрежением к молодому выскочке.

Циньянь не принял это близко к сердцу. Он понимал: для ветерана сцены он — лишь очередной смазливый популярный молодой актёр. На протяжении всей репетиции он вел себя предельно вежливо и ловил каждое слово наставника. Он прекрасно осознавал свое место и знал, как нужно себя вести.

Холодность Чжан Яня начала подтаивать, стоило им начать репетицию. Больше всего его поразила не покорность юноши, а то, как стремительно тот входил в образ.

Манеры Лу Циньяня были безупречны: в каждом жесте сквозило искреннее уважение к старшему, в чем не было ни капли прежнего кривляния. Чжан Янь слишком долго вращался в этой индустрии, чтобы не отличить подлинное почтение от дешевой актерской игры. Если бы он не умел видеть людей насквозь, ему давно было бы пора на покой.

Но еще сильнее его удивила обучаемость парня. Раньше он считал Циньяня лентяем, который лишь имитирует деятельность, но стоило тому взяться за ум, как прогресс стал очевиден.

— Ну ты, парень... Раньше и пальцем о палец ударить не хотел, только барина из себя строил. А сегодня — прямо-таки удивил, — проговорил Чжан Янь после окончания сцены.

Голос его звучал сурово, почти зло, и на миг Циньяню показалось, что его сейчас живьем проглотят. Но именно в этой резкости он почувствовал искренность.

Впрочем, характеристика «строил из себя барина» заставила Лу Циньяня смутиться. В конце концов, тем напыщенным индюком был не он.

— Ну... Учитель Чжан, я просто... осознал свои ошибки. Раньше я вел себя непозволительно, дерзил вам и к работе относился спустя рукава. Теперь я понял, что к чему.

Циньянь откашлялся, пытаясь подавить неловкость, и ослепительно улыбнулся. Улыбка была такой чистой и открытой, что Чжан Янь невольно смягчился. Он коротко кивнул, давая понять, что извинения приняты.

«Оказывается, даже с такими суровыми мэтрами можно поладить».

Утренняя смена завершилась триумфально. Лу Циньянь пребывал в прекрасном расположении духа. С аппетитом уплетя свой обед в коробке, он устроился в сторонке, ожидая продолжения.

Жизнь без Вэнь Цзюэ казалась сказкой. К сожалению, сказка закончилась ровно в тот момент, когда перед началом дневных съемок на площадке появился сам «Киноимператор».

Настроение Лу Циньяня мгновенно рухнуло, словно вагонетка на американских горках. Радость испарилась, оставив после себя лишь глухое раздражение.

— Сяо Янь-цзы, ты чего скис? — первым заметил перемену Лао Ван. По обыкновению не рассчитав силу, он так шарахнул подопечного по плечу, что тот едва не вылетел со стула.

Рука менеджера приклеилась к плечу Циньяня, как банный лист. Лу Циньянь решительно отцепил её и вернул на законное место — на колено Лао Вана.

— Все было нормально. Но после твоего удара у меня, кажется, началось внутреннее кровотечение.

— Да ладно, неужто я такой тяжелый? — Лао Ван принялся рассматривать свою ладонь, изучая путаницу линий на коже. — Это ты у нас просто хлипкий слишком. Говорил же тебе: займись спортом, качайся! Не слушал? Вот теперь и страдай.

Лу Циньянь только вздохнул. Он не знал, чем кормили этого человека в детстве, но сил у него было через край, а слов — еще больше. Не желая ввязываться в спор, он снова уткнулся в сценарий.

Лао Ван хотел было вставить еще пару шпилек, но, заметив вдалеке фигуру Вэнь Цзюэ, все

понял. Виновник «траура» нашелся мгновенно.

Только что лицо его Сяо Лу сияло, а теперь он ссутулился и помрачнел, став похожим на побитого дождем серого котенка.

Менеджер откашлялся и ехидным тоном пропел:

— Сяо Янь-цзы, гляди-ка, твой муженёк вернулся! Давай, покажи в дневных сценах все, на что ты способен, ради него.

Слова были пропитаны напускным пафосом. Лу Циньянь даже не поднял глаз.

— Ага. Слышу.

«Муженёк», «старайся ради него»... Циньянь сбился со счета, сколько раз повторял Лао Вану, что между ним и Вэнь Цзюэ ничего нет, но тот словно оглох.

Он невольно подумал: не будь в этом мире этого человека, его жизнь была бы почти идеальной. Но Вэнь Цзюэ существовал, и сталкиваться с ним приходилось буквально каждый день.

Это не просто расстраивало — это бесило.

— Сяо Лу!

— А?

Погруженный в свои безрадостные думы, Циньянь вздрогнул от зычного голоса режиссера.

— Да, господин режиссер? Что такое?

— Иди сюда. Эту сцену я хочу разобрать с тобой лично, — режиссёр Фань сидел в своем кресле, нервно листая сценарий. Вид у него был крайне озабоченный.

— Хорошо, иду, — Циньянь послушно поднялся, оставив Лао Вана развлекаться с мобильной игрой.

— И ты, Вэнь Цзюэ, тоже подойди. Это касается вас обоих, — добавил режиссёр Фань.

Лу Циньянь, до этого шедший вполне бодро, застыл как вкопанный. Имя отозвалось в теле коротким разрядом тока. Закусив губу, он заставил себя продолжить движение, стараясь

сохранять невозмутимый вид.

«Опять... Снова играть с ним... Ну да ладно. Против лома нет приема, если нет другого лома. Посмотрим, как я справлюсь».

Циньянь сильнее сжал сценарий, добавив новых морщин на и без того пожеванную пачку листов. Он помнил, как впервые взял эту рукопись — она была идеально гладкой, нетронутой. Теперь же, в его руках, она за пару дней превратилась в ветхую ветошь. Он слегка ослабил хватку, давая бумаге «передохнуть».

Он подошел к режиссеру первым. Тот коротко кивнул ему, но тут же отвел взгляд в сторону. Циньянь сначала подумал, что это такое приветствие, но, проследив за ним, понял: тот просто ждет Вэнь Цзюэ.

Плотно сжав губы, Лу Циньянь уставился в ту сторону, где стоял его «напарник».

Вэнь Цзюэ, почувствовав на себе чей-то жгучий взгляд, обернулся и посмотрел прямо на него. Впрочем, контакт длился недолго — актер почти сразу отвернулся.

Циньянь тоже не горел желанием играть в гляделки. Лучше потратить эти секунды на повторение реплик.

Когда режиссер наконец подозвал их обоих ближе, Лу Циньянь нехотя встал плечом к плечу с Вэнь Цзюэ.

Первые минуты близость этого человека вызвала в нем лишь зуд и желание сбежать, но вскоре он сумел отгородиться от этих чувств, полностью сосредоточившись на объяснениях режиссера.

Режиссёр Фань распинался добрых пятнадцать минут. Все это время Лао Ван периодически отрывался от телефона, поглядывая на их троицу.

«Ну и силен же он... Язык без костей. Пятнадцать минут без остановки молотит», — мысленно восхитился менеджер, показав режиссеру воображаемый «класс».

Раньше он тоже пытался наставлять Лу Циньяня, но тот слушал вполуха — в одно влетело, в другое вылетело. Парень лишь изображал из себя прилежного ученика, кланяясь и поддакивая, а сам не запоминал ни слова.

Режиссер тогда, видимо, купился на этот спектакль, решив, что парень просто тугодум. Со временем он стал уделять Циньяню все меньше времени, пуская его игру на самотек.

Обычно он тратил на Вэнь Цзюэ от силы пять минут. Чтобы он пятнадцать минут распинался перед Лу Циньянем — такое Лао Ван видел впервые.

— Ну что, Сяо Лу, ты все уяснил из того, что я сказал? — спросил наконец режиссёр Фань.

Если честно, Циньянь действительно все понял. Более того, он пометил все важные моменты в своем сценарии, не пропустив ни детали. Однако, чтобы закрепить материал, он переспросил о паре неясных нюансов, попросив разъяснить их подробнее.

Режиссёр Фань удовлетворенно кивнул:

— Тогда попробуй прогнать этот отрывок сам. А мы с Вэнь Цзюэ посмотрим со стороны.

Намек режиссера был прозрачен как слеза, но Лу Циньянь впервые оказался в такой ситуации. Он заметно запаниковал.

«Играть монолог прямо перед Фанем и... перед Вэнь Цзюэ?!»

От одной мысли об этом по спине пробежал холодок, а чувство неловкости охватило его.

Это было... за пределами неловко.

— Ну? В чем дело? — режиссер подождал несколько секунд. Видя, как Циньянь застыл соляным столбом, он прекрасно понял его чувства, но предпочел сделать вид, что ничего не замечает.

Циньянь колебался, но в конце концов решился подать голос:

— Режиссёр Фань... а мне не нужен партнер для этой сцены?

Единственным, кто мог бы подыграть ему здесь, был Вэнь Цзюэ. Циньянь неосознанно посмотрел на него, безмолвно прося о помощи.

Это был чистый импульс, подсознательная реакция. Стоило Лу Циньяню осознать, что он делает, как он тут же взял себя в руки. Внутренне вздрогнув от собственной глупости, он поспешно отвел взгляд.

«О чем я только думал? Просить помощи у этого человека... У меня точно мозги набекрень».

Он молил лишь об одном: чтобы Вэнь Цзюэ из-за кратковременности момента ничего не заметил. Иначе позора было не миновать.

— Не нужен, Сяо Лу. Будь смелее. Я уверен, ты справишься сам, — режиссёр Фань улыбнулся, и в уголках его глаз прорезались глубокие морщинки.

Он сказал это так твердо, что Лу Циньянь, глядя в его смеющееся лицо, заподозрил неладное. Режиссер явно делал это намеренно.

Циньянь шмыгнул носом, его рука снова непроизвольно сжала сценарий. Тяжело вздохнув, он заставил себя сделать первый шаг. Выбора не было — придется играть.

<http://bllate.org/book/17547/1709562>